

Епархиальная настоятельница Матери Первозданной Крови в Шпиневиле являлась леопардолюдкой, на вид примерно тридцати лет. Но в сравнении с общеизвестно действительно очень молодым Фельдграу Дуофюром, внешний возраст большинства служителей почти никогда не мог служить ориентиром.

Тем более что эта настоятельница была одной из немногих служителей высокого ранга, закреплённых за этим городом.

Изначально для такого обычного города, как Шпиневиль, хватило бы назначить настоятелем служителя среднего ранга, но после появления Фельдграу — апостола — хотя сам городской район стал безопаснее, во внешних грибных лесах и в многочисленных тоннелях вокруг города борьба между Инквизицией и культом Искажения, наоборот, стала ещё ожесточённее.

Чтобы поддержать операции городской Инквизиции, церковь Матери Первозданной Крови направила сюда эту настоятельницу как подкрепление.

Не как боевое подкрепление — она была кровеплотяным целителем высокого ранга.

Эта настоятельница одновременно занимала должность директора местной больницы Святого Сердца и один раз в неделю вела личный приём. Если бы семья Линя накопила тридцать тысяч, достаточных для оплаты лечения, именно эта настоятельница провела бы генетическую корректировку и перестройку тела Параибы.

Без сомнений, она обладала сердцем врача и спасала людей.

А к культу Искажения оставалась беспощадна.

Ей не нужны были ножи — одним лишь жестом пальцев она рассекала на расстоянии плоть культистов или срачивала её обратно; про кости и говорить нечего.

Прямо на глазах у старшего смены она сняла со змеелюда кожный покров, покрытый чешуёй, вскрыла череп и обнажила внутри розово-белый мозг, затем просунула руки внутрь и лёгким движением выдернула весь мозг вместе с мозжечком, стволом и спинными нервами.

Ящеролюд от ужаса осел на пол, но настоятельница вовсе не считала, что совершала что-то пугающее. Она подняла руку, и из окружавшего алтарь кровавого бассейна подплыла шарообразная масса красной воды, словно наполненный жидкостью пузырь, в который она и поместила мозг и нервы змеелюда.

Фельдграу следил за старшим смены, чтобы тот, находясь в состоянии крайнего ужаса, не попытался что-либо вытворить. Когда настоятельница выдёргивала мозг, он украдкой взглянул на Линя.

Из-под повязки были видны лишь сжатые губы — казалось, его даже не тошнило.

«Всё равно это отвратительно», — думал Линь. Он всё-таки являлся обычным человеком. Наверное.

Но после безразличности у него, наоборот, пробудилось любопытство: он внимательно наблюдал, как настоятельница подходила к ящеролюду, повторяя ту же процедуру — извлекая мозг вместе со спинными нервами и помещая их в новую кровавую массу.

Взгляд Линя бродил туда-сюда между двумя мозгами, и он не видел между ними никакой разницы.

«Потому что они оба — зверолюды-рептилия? Мозг млекопитающих зверолюдов выглядел бы иначе?»

Линю стало любопытно, но он предположил, что, вероятно, между мозгами млекопитающих и рептилий больших различий тоже не было.

В конце концов, два мозга перед ним казались в точности как человеческие мозги из учебника биологии.

Но ведь зверолюды-рептилии и зверолюды-млекопитающие снаружи различались очень сильно: у первых полностью отсутствовала шерсть, по бокам головы у них располагались внутренние уши без ушных раковин, часть имели чешуйчатую кожу, другие — гладкую. Когда Линь впервые увидел зверолюда-рептилию, он подумал, что перед ним оживший мексиканский «инопланетный труп».

А зверолюды-млекопитающие отличались от обычных земных людей, подобных Линю, главным образом звериными признаками; говорили, что есть и странно выглядящие, но Линю такие пока не встречались.

Линь попытался проанализировать.

И понял, что знаний школьного курса биологии ему для анализа явно не хватало.

Он отказался от попыток и стал наблюдать, как настоятельница решила сперва допросить змеелюда. Она протянула руку, погрузила её в шарообразную массу красной воды и затем в сам мозг, её пальцы входили в мозговое вещество на глубину примерно двух фаланг.

Линь:

— ...

Это было слишком больно даже для его воображения. Кошмарнее костра.

Юный тёмный бог ещё твёрже решил никогда не попадаться Инквизиции.

Фельдграу и настоятельница не замечали, что вместе с ними в помещении находится ещё одна «тёмная тварь». Настоятельница взяла другой рукой только что извлечённую из городского архива карточку с данными и спросила:

— Явлевыс Бойга?

Мозг в кровавой воде отрастил уши и рот — должно быть, настоятельница вылепила их с помощью плотяной магии.

Рот открылся и закрылся пару раз, но слов не последовало.

— Позволь почувствовать твои грязные нервы... Ты хотел сказать «да», верно? — произнесла настоятельница и спросила дальше: — Какова твоя сила служителя? Озверевший? Пастырь цветов? Нет, не похоже — я не ощущаю растительной жизни... Тогда что, одержимец или лунатик?

Сказав это, настоятельница ещё немного пощупывала нервы, затем повернулась к Фельдграу и Линю:

— Когда я произнесла «озверевший», его нервная реакция явно отличалась. Должно быть, он именно озверевший.

Линь убрал книгу тайнств, достал блокнот и начал записывать.

Хотя это не входило в его обязанности, у него всё же было чувство такта подчинённого.

Метод, которым настоятельница добывала сведения из мозгов культистов, по сути походил на детектор лжи, применяемый в допросных комнатах подразделения внутреннего надзора.

В отличие от чтения мыслей и эмоций Линя, детектор лжи синхронизировался с сердечным ритмом допрашиваемого и делал вывод по его ускорению или замедлению. Но даже если не владеть самогипнозом через зеркало, существовали люди с исключительными природными способностями к контролю сердечного ритма, и потому результаты детектора лжи нельзя было считать абсолютно надёжными.

А сейчас настоятельница считывала нервную активность культиста с нулевой дистанции — выглядело как чтение мыслей, но, фактически, тоже представляло собой анализ физиологических реакций на правду и ложь.

«И всё же, — подумал Линь, — достаточно глубокий самогипноз при помощи зеркала мог бы подавить активность нервов».

Поэтому на него это бы не подействовало.

Не имея понятия размышлениях некоего тёмного бога, настоятельница задавала вопросы один за другим и довольно быстро — простыми «да» и «нет» — выяснила план нелегальной переправки культа Искращения. Включая день, когда новый глава культа со своими подчинёнными должен прибыть в Шпиневиль; участок реки Райи, где они поднимутся на борт; и то, как они собирались замаскироваться под туристов, прибывающих в город.

Но когда речь зашла о том, как культ собирался обмануть речные заставы Инквизиции и наблюдательные пункты церкви Матери Первозданной Крови, одними только нервными реакциями змеелюда не получилось добыть больше подробностей.

— Возможно, он и сам не знает, — сказал Линь. — Они лишь обслуживают этот участок маршрута и обеспечивают культ Искращения легальной подлодкой. А вот то, как пассажиры проходят досмотр до посадки, уже не входит в их обязанности.

— Я тоже так думаю, — вздохнула настоятельница. — Но мне слишком хочется понять, как они проходят проверки.

Речные сети — дар Матери Первозданной Крови миру. Как верующая, она не могла терпеть, что культисты используют их и оскверняют.

«А нет ли способа выжать из них побольше сведений?» — думала настоятельница.

«Может, лучше поймать кого-нибудь, кто лично переправился?» — думал Линь.

Он был уверен, что этот змеелюд по имени Явлевис Бойга ничего большего не знал.

По крайней мере, в видениях, которые он видел как Око Зазеркалья, нужная информация отсутствовала.

Эти двое культистов давно являлись изгоями внутри культа Искращения: даже ту информацию, которую они должны были знать, им часто не сообщали — ни начальство, ни «соратники».

Ценность сведений, что они могли дать, никак не касалась реки Райи.

— Меня куда сильнее интересует другое, — сказал Линь. — Служитель среднего ранга — это серьёзно, а добиться среднего ранга в молодости — уже талант. Таких людей не ставят просто тайно обслуживать нелегальную переправку среди обычных людей. Настоятельница, могу ли я

спросить: какой силы служителя и какого ранга этот ящеролюд?

Настоятельница приподняла бровь, вынула руку и погрузила её в мозг ящеролюда.

Она быстро получила ответ:

— Пастырь цветов, служитель среднего ранга, и одновременно низшего — озверевший.

«Служитель с двойной силой!»

Обычному служителю получить хотя бы одну силу уже трудно. Прокачать её до среднего уровня — тем более. А этот ящеролюд был ещё и озверевшим низшего ранга — внутри культа Искажения у него имелся огромный потенциал.

Если бы он попал в небольшой город, ему хватило бы уровня, чтобы стать настоятелем. Но сейчас этот ящеролюд трудился в Шпиневиле, обслуживая лишь малый участок нелегального маршрута?

И коллега у него также служитель среднего ранга?

Настоятельница тоже почувствовала неладное. Хотя подобное, вероятно, и всплыло бы в дальнейшем расследовании, то, что Линь обратил на это внимание так быстро, вызвало у неё искреннее восхищение.

— До того как я спросила, у тебя, кажется, уже был ответ, — сказала она. — Как ты догадался?

— Когда вы выяснили, что змеелюд — служитель среднего ранга, я уже начал удивляться, — пояснил Линь. — Хотя я работаю недавно, я прочёл достаточно дел. Шпионов, маскирующихся среди обычных граждан, чаще всего набирают из тех, кто уверовал в Деву Серебряной Луны, — из именно простых людей, не служителей. Потому что служители куда легче выдают себя: их отношение к соседям и коллегам заметно меняется. Что до ящеролюда... Культ Искажения совсем не тот разболтанный культ тёмного бога, что многие себе воображают. У них строгая внутренняя иерархия. Но по дороге сюда эти двое культистов вели себя очень равнозначно, ящер имел лишь немного больше веса в диалоге — совсем чуть-чуть.

Настоятельница округлила глаза.

— Необыкновенно, — восхищённо сказала она. — Ты видишь довольно много для того, кто носит прозвище «Слепой чтец».

— На самом деле у меня со зрением всё в порядке, — усмехнулся Линь. — Завязанными глазами я тоже вижу.

— Думаю, твой ранг скоро изменится, — улыбнулась настоятельница. — Верховный инквизитор, что скажете?

— Линь рассуждает вполне логично, — серьёзно ответил Фельдграу. — Но если распространится слух о том, что он вычислил Листчеса Азари, а теперь и этих двоих... В полевых вылазках культисты будут куда чаще выбирать его целью для атаки.

— Верно, — задумалась настоятельница. — Ритуалисты слишком уязвимы в бою, лучше ранг не менять.

Затем она снова улыбнулась:

— А пока — предложи ещё пару догадок, инквизитор Линь. Хотя у меня уже есть мысли. Эти двое культистов, возможно, совершили ошибку, и потому оказались в Шпиневиле...

— Я не видел их на розыскных листовках, — подхватил Линь. — Они раньше не действовали в пригородах, за ними нет зафиксированных преступлений. Но при этом они такие высокоуровневые служители... Возможно, они прибыли из...

И настоятельница, и Линь замолчали одновременно.

Фельдграу выглядел очень довольным.

— ...из до сих пор не найденного штаба культа Искажения, — закончил он. — Обратнолунья.

Сведения об Обратнолунье являлись куда важнее переправки на Райи.

Хотя именно план переправки сейчас должен был больше всего волновать руководство Шпиневиля.

При дальнейшем допросе вскоре всплыл факт существования Снежноцапки. Но до прибытия в Шпиневиля её не звали Снежноцапкой — в культе Искажения ей давали числовое обозначение или называли «выжившая» и «качественная матка». Поймать кого-то по таким прозвищам было почти невозможно.

А по внешности...

Снежноцапка выглядела слишком по-волколюдски. Волколюдка с серо-голубыми волосами и зелёными глазами — вполне обычное явление.

Подозрение мог вызвать лишь срок её прибытия в город.

Но о нём знали очень немногие, как подсчитал Линь.

К тому же, кроме воровства рыбы, Снежноцапка ничего не нарушила.

Она была невиновной. Она — типичная последовательница, трудолюбивая личность, обожаемая церковью Дракона Света.

— Бедняжка, — будто бы невзначай сказал Линь. — Кровь можно очистить?

— Я способна это сделать, но могут быть последствия, — вздохнула настоятельница. — Очень жаль. Эти эксперименты... слишком кощунственны.

Разговаривая, Линь помогал приводить в порядок зал после кровавого допроса.

Тела забрали люди из церкви Инеевого Звоноврана, но два мозга настоятельница решила оставить — вдруг удастся выжать ещё сведения.

Линь прошёл в умывальню за церковью и быстро смыл с себя запах крови. Вытершись, он отправился в боковую комнатку за детьми.

— Вот как... Оба уснули...

Линь остановился у двери, глядя, как двое малышей сладко спят на диване.

«Уже очень поздно. Будить их? Или не будить? Я же не унесу сразу двоих», — размышлял Линь.

Фельдграу, тоже недавно умывшийся, как раз проходил мимо.

Он заглянул в комнату и остановился:

— Нужна помощь?

<http://bllate.org/book/12612/1120009>